

Конспект лекции на тему:

ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

(Основой предлагаемого материала послужил текст раздела «Тема 7. Язык культуры» Учебного пособия: Курс лекций по культурологии: учебное пособие / [И.А. Акимова, Н.Г. Багдасарьян и др.]; под ред. И.А. Акимовой. – Москва: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2015. – 123 с. С. 78-90, в который составителем были внесены незначительные изменения и дополнения)

Краткая преамбула

Люди познают мир, преимущественно, в вербальной форме, то есть, пользуясь словами. Это значит, что в человеческом сознании все образы окружающих нас явлений, процессов и объектов представлены, как правило, в словесной форме, в виде словесных описаний.

И мысли, связанные с окружающей нас реальностью тоже, в большинстве случаев, формируются в сознании человека с использованием языковых средств. В связи с этим даже была предложена специальная гипотеза лингвистической относительности Сепира и Уорфа – названная так по именам ее авторов – об обусловленности особенностей восприятия и мышления структурами того языка, который является родным для конкретного человека. Так, те или иные клише (устойчивые выражения, обороты речи), свойственные каждому языку, могут облегчать общую ориентировку и обучение говорящих на нем людей, но могут и мешать им обращать внимание на некоторые особенности, нюансы каждой конкретной ситуации.

Соответственно, **ЯЗЫК, которым пользуются люди при отражении в той или иной форме окружающей реальности представляет собой систему правил и значений. Когда же достигается сочетание этих правил и значений – появляется смысл.**

Вот пример, подтверждающий сказанное. Возьмем любое словосочетание, пусть это будет – «БРОШЬ ИЗ САХАРНИЦЫ». Взятое само по себе (как набор отдельных слов, имеющих некоторые значения), оно выглядит полнейшей бессмыслицей. Но как только мы поместим его в какой-либо ситуационный контекст, позволяющий в соответствии с языковыми правилами получить некоторое сочетание значений, – оно обретет смысл. Допустим, если речь идет о том, что брошка была спрятана ребёнком в сахарницу, взрослые её долго искали, нашли и наконец достали эту «БРОШЬ ИЗ САХАРНИЦЫ», то все при восприятии встанет на свои места. Так устроена психика людей – их внутренний мир. Он включает в себя мысли, чувства, переживания, воспоминания и иные психические явления. Но то, что становится содержанием нашего внутреннего мира познается нами также через наши мысли, чувства, переживания, воспоминания и т.п.

Поэтому в течение многих предшествующих столетий основной философско-психологический вопрос состоял в том, как соотносится то, что мы чувствуем: что воспринимаем с объективным «внешним» миром.

А в этом внешнем, объективном мире существуют другие люди и множество самых разнообразных объектов явлений и процессов. И всё это как-то воспринимается и нами и другими людьми. При этом, в сознании любого человека формируются определённые оценки происходящего, расставляются приоритеты значимости, происходящее наполняется какими-то смыслами. И если всё это происходит в психике людей, сформировавшихся в одной культурной среде, то возникает сходное понимание происходящего, влекущее за собой с высокой вероятностью сходные поведенческие реакции таких людей. Но если речь идёт о представителях разных культур, то и понимание происходящего, и возможные его оценки и поведенческие реакции могут

быть на столько специфичными, что вполне могут оказаться за рамками понимания представителей иных культур.

А как в этих случаях им взаимодействовать? Особенно, если они находятся в рамках общего географического или экономического пространства? Или – если их взаимодействие осуществляется на одном «ресурсном поле»?

И тут «во весь рост» встаёт проблема диалога представителей разных культур, проблема понимания ими языка иной культуры как системы вроде бы привычных для них правил и значений, но в часто непривычных сочетаниях этих правил и значений, порождающих в некотором ситуационном контексте, новые, порой трудно постижимые для них смыслы. И одна из главных проблем, вытекающих из всего этого, состоит в том, что именно содержащиеся в каждой из культур смыслы и ценности обуславливают то, что люди, -представители разных культур по-разному (в соответствии с характерными именно для своих культур смыслами и ценностями структурируют, упорядочивают при восприятии окружающую реальность; и эти стили такого упорядочивания, порой, могут оказаться трудносовместимыми.

Итак, ознакомившись с сутью проблемы, теперь рассмотрим следующие вопросы.

1. *Языки культуры: понятие, виды, функции. Науки, изучающие языки культуры*
2. *Текст, контекст, подтекст. Значения и смыслы в культуре.*
3. *Язык и речь. Языковые особенности культур, стили коммуникации. Язык как средство манипуляции*
4. *Множественность языков культуры. Семиотическая концепция культуры.*

1. Языки культуры: понятие, виды, функции. Науки, изучающие языки культуры

Язык культуры представляет собой одно из наиболее фундаментальных понятий культурологии – и один из базовых феноменов жизни человека и общества, связывающий их воедино. Еще основатель культурологии Л. Уайт (White), заявлял, что принципиальное отличие человека от животных заключается в свойственной только человеку способности к *деятельности, опосредованной символами*, т.е. к замещению непосредственно воспринимаемых объектов *понятиями*. Это позволяет людям осваивать окружающий мир, взаимодействовать, передавать свой опыт гораздо более сложными и многообразными способами, чем те, что доступны животным. В то время как человек в качестве представителя биологического вида имеет те же цели, что и любое животное (например, удовлетворение голода, инстинктов самосохранения и воспроизводства), – человек как существо, способное к символизации, отличается *средствами* достижения этих целей. И те особые средства, что делают его человеком, – собственно *человеческое мышление и деятельность* – могут развиваться *только на основе языка*.

Понятие *языка культуры* включает все те *средства и способы освоения и осмысления мира, которые позволяют человеку общаться и взаимодействовать с другими, запечатлевать свой опыт, создавать новое (от норм поведения в обществе до высоких технологий) и передавать все это, включая возможность делать это опосредованно – преодолевая барьеры времени и пространства*. Языки культуры формируются в ходе общения и взаимодействия между многими людьми, на протяжении долгого времени – и отражают особенности участников этих процессов, их окружения, значимые события того или иного исторического периода. Следовательно, язык культуры можно рассматривать и как условие становления культуры, и как ее воплощение, и как ее результат.

Обращаясь к *многообразию языков культуры*, выделяют их разные, в зависимости от того или иного критерия, типы. Если, например, выбрать в качестве критерия способ образования языков, то существуют *естественные* (складывавшиеся на протяжении столетий, а иногда и тысячелетий, на более или менее обширной территории) и *искусственные* языки (созданные одним или несколькими людьми за короткий промежуток времени и с конкретными целями). К первой группе принадлежат все языки, на которых

говорят самые разные народы и народности (это английский, русский, французский и др.), ко второй группе – язык эсперанто, сигнальные коды, система дорожных знаков и т.п.

Выбирая критерием типологизации языков культуры уровень обобщения передаваемой с их помощью информации, различают *первичные* и *вторичные* языки. Все естественные языки относятся к первичным, вторичные же включают те знаково-символьные структуры, с помощью которых запечатлевается опыт и передается информация в той или иной сфере культуры – в религии, философии, науке и пр. Можно говорить, таким образом, о языке изобразительного искусства, оперного театра, той или иной науки и проч. – как о сложившейся в соответствующей сфере культуры системе запечатления и передачи опыта, его интерпретации и возможности дальнейшего творчества (с помощью тех или иных способов и средств).

Если взять в качестве критерия статус и распространенность, существуют *мировые, международные, национальные (государственные), региональные и местные языки*. Мировыми считаются шесть языков, на которых официально, т.е. согласно соответствующему уставу, работают в Организации Объединенных Наций (ООН): это английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский. Международные языки являются официальными (и языками собственно общения между народами) в нескольких, иногда во многих, странах; помимо указанных выше как мировые, к международным причисляют также немецкий, португальский и др. Региональные и местные языки отличаются друг от друга большим и меньшим ареалом распространения и количеством говорящих на том или ином языке. К примеру, бретонский региональный язык объединяет жителей нескольких областей северо-западной части Франции (носителей, в относительно недавнем прошлом, таких местных языков как нижне-бретонский и верхне-бретонский). Валлийский считается региональным языком юго-западной части Британии, на каталонском говорят несколько миллионом жителей северо-восточной части Испании - Каталонии.

Обращаясь к *функциям языков культуры*, можно перечислить:

(1) передачу информации (иногда – ложной, как, например, в случае намеренного искажения фактов или маскировки истинных чувств или намерений говорящего),

(2) общение и взаимодействие (включая квази-общение, общение с воображаемыми, реально не присутствующими рядом субъектами),

(3) приобретение опыта и знаний,

(4) самопознание (рефлексию) и самовыражение,

(5) формирование картины мира и пр.

Естественно, что языки культуры, в силу многообразия и значимости своих функций, являются объектом изучения многих наук. Так, лингвистика занимается структурой языков, их происхождением, изменениями во времени, социолингвистика – языковыми особенностями представителей разных слоев общества и языковой политикой, психолингвистика – взаимосвязями между восприятием и мышлением человека и его речью. Язык изучается в семиотике – науке о знаковых системах, теории коммуникации – анализе процессов передачи и восприятия информации, и т.п. В культурологии же, язык рассматривается, прежде всего, с точки зрения его *знаково-символической структуры*, включая значения и смыслы, а также такие языковые системы как текст, контекст и подтекст.

2. Текст, контекст, подтекст. Значения и смыслы в культуре.

Текстом (лат. *textum* – соединение, переплетение, ткань) в культурологии принято называть любую совокупность образов, знаков, символов, которая воспринимается зрителем (слушателем, читателем) как единое целое. Это может быть как устный рассказ, так и произведение литературы и искусства – ландшафтно-архитектурный ансамбль, орнамент, оперная партитура и т.д.

Наиболее значимыми, в рамках культурологии, элементами текста являются *знаки* и *символы* – объекты, указывающие на некие другие явления, события, отношения. При этом знак всегда указывает только на один объект (явление и пр.) – как, например, значение того или иного слова; символ же несет в себе много более или менее связанных друг с другом значений. То или иное изображение может быть и знаком и символом – так, перекрещивающиеся под прямым углом линии могут однозначно указывать на математическую операцию сложения, а могут и нести в себе символику христианства и всю сложную цепь соответствующих культурных ассоциаций: от креста как орудия казни до слова “крест” как синонима страдания. В последнем случае можно видеть пример того, как слово также может выступать и в роли знака (слово “крест” как обозначение соответствующего объекта), и в роли символа (выражение последовательности ассоциаций, от библейской истории до ее интерпретаций и соотнесения с событиями жизни тех или иных людей). Таким образом, важно понимать, в каком *контексте* употребляется то или иное слово.

Контекст (лат. contextus – близко подходящий, примыкающий к тексту, его окружение) – это все те обстоятельства, при которых создавался текст: от происходившего в то время, включая события жизни автора текста, до особенностей употребления языка им и его современниками. Важно также понимать, говоря о контексте, что одни и те же слова могут менять свою эмоциональную окраску – приобретать или утрачивать то или иное *коннотативное* значение. Так, в те или иные исторические периоды меняли свою окраску слова “революционер”, “диссидент”, “монархия”, “религия” и проч. Кроме того, разные слои общества, говорящего на одном и том же языке, могут воспринимать одни и те же понятия по-разному (см. ниже). И, наконец, важным элементом языков культур является *подтекст* как индивидуальная мотивация говорящего, его стремления и намерения, которые, как он полагает, должны воспринимать его слушатели или собеседники.

Известный психолог Л.С. Выготский проводил разграничение между *значением* (общим содержанием) произносимых слов – и их *смыслом* (динамическим, индивидуальным содержанием, эмоционально меняющимся, в зависимости от ситуации и стремлений собеседников).

Взаимное понимание достигается, при общении, только если собеседники воспринимают как значения, так и смыслы речи друг друга. Не всегда, однако, стремятся к такому пониманию – например, в приведенном выше примере Софья вовсе не желает, чтобы Чацкий понял причину ее замешательства при неожиданной встрече с ним.

3. Язык и речь. Языковые особенности культур, стили коммуникации. Язык как средство манипуляции.

Язык, как уже было сказано выше, представляет собой совокупность средств запечатления и передачи информации. Если говорить о естественных языках, то можно сделать разграничение между *языком* и *речью* как способом использовать язык. При этом речь того или иного носителя языка может быть вполне нормативной, отражающей стандарты произношения, грамматики данного языка, – а может и значительно от них отступать. Так, жители разных регионов одной и той же страны часто имеют своеобразный выговор (акцент, манеру произношения), существуют и лексические особенности местного словоупотребления. Есть слова, характерные только для той или иной территории (например, для обозначения одного и того же предмета, в рамках русского языка, используются слова “бордюр” и “поребрик” (характерное только для Петербурга). Некоторые слова обозначают не вполне одно и то же в разных областях: “булка” и “буханка” в Петербурге и в Москве, и т.п. Есть и социальные/ профессиональные диалекты – арго, терминология которых чаще всего непонятна для тех, кто не входит в соответствующие группы (врачей, юристов и проч.).

Речь любого конкретного человека обычно позволяет понять не только, “носитель” ли он языка или иностранец, насколько и в какой области образован, что его интересует, спокоен ли он или взволнован. Речь часто выдает социальное происхождение, статус

говорящего: беглость речи и ее лексическое многообразие, спокойный тон гораздо чаще отличают образованного представителя среднего класса, тогда как в речи представителей других слоев общества чаще наблюдаются паузы, заполненные невнятным мычанием, слова-паразиты¹, несвязность изложения и т.д. Нужно заметить, впрочем, что *культура речи – это совокупность ее богатства и адекватности ситуации общения*, но она не всегда “сама собой” складывается на основе полученного образования. Так, люди, глубоко связанные с народной культурой, могут говорить красиво и образно (например, сказители или народные поэты); многие же представители среднего класса, напротив, отличаются невыразительной речью, полной языковых штампов (речь всякого рода чиновников). В современном мире, где большую роль играют средства массовой коммуникации, многие люди автоматически воспроизводят часто неправильно произносимые ведущими радио- и телевизионных программ слова, шаблонные выражения, неоправданные заимствования из того или иного иностранного языка и т.п.

Существуют и гендерные (то есть, характерные для представителей мужского или женского пола) особенности речи – т.е. различия в использовании тех или иных ее приемов, в зависимости от принадлежности к тому или иному полу. Так, женщины чаще, чем мужчины, используют прилагательные, передают больше эмоциональных нюансов (от описаний наблюдаемых людей до выражения своего отношения к сообщению), мужчины чаще употребляют глаголы. Частью поведенческого кода мужчин из рабочего класса является немногословность, особенно в присутствии женщин и детей, а также представителей других социальных слоев, в то время как поведение среднего класса гораздо более вербально² – с предпочтением решать проблемы именно посредством их обсуждения прежде и в большей степени, чем с помощью физических действий.

Существуют разные коммуникативные стили, свойственные разным людям – и одним и тем же людям в разных обстоятельствах. К примеру, Р. Нортон выделяет девять таких стилей, от “доминирующего” (подавляющего других участников общения) до “дружелюбного” (поощряющего их к дальнейшему общению). В разных культурах существуют те или иные предпочтения коммуникативных стилей: так, в культурах северо-западной Европы и США наиболее распространенными являются открытый и экспрессивный (выразительный) стили. Кроме того, можно говорить, используя и более общую, чем у Нортон, характеристику стилей общения – как прямого (со стремлением четко сформулировать суть обращения) и непрямого (обставленного множеством условностей), – о преобладании в северо-западной Европе и США первого типа, а в юго-восточной Азии – второго. Естественно, что при общении представителей этих типов культур между собой, возможны проблемы: от непонимания, чего именно хочет другая сторона до взаимного раздражения и обвинений в неискренности (манипулятивности) и т.п.

Особым случаем является использование языка в целях *намеренной манипуляции* другими людьми – причем как на уровне межличностного общения, так и в случае общения политиков с массовой публикой, а также пропаганды. Примером манипулятивного воздействия первого типа являются противоречивые указания типа “Не слушайте меня – поступайте, как хотите” (т.е., даже поступая по-своему, выслушавший это человек чувствует, что он действует с разрешения другого, а не по своей инициативе, - часто же само такое указание воспринимается как косвенный запрет или осуждение соответствующего намерения). Примером использования языка в целях пропаганды может служить *искусственно создаваемая и массово распространяемая поляризация* (противопоставление) людей, мировоззрений, способов жизни. Иными словами, вместо признания всегда существующего многообразия форм мысли и деятельности, создается черно-белая картина “свои/ хорошие” – “чужие/ плохие”. Так, во времена революционного террора во Франции впервые начинают противопоставлять тех, кого называли “патриотами” (т.е. активных исполнителей директив власти, включая доносы и физическое

¹ Например, “так сказать”, “ну, как это...”, “короче, ...” и т.п.

² Вербальный (от лат. *verbum* - слово) – словесный, связанный с использованием слов.

уничтожение всех, кто объявлялся ее противниками) – “врагам народа” (среди которых были и те, кто боролся с властями, и те, кто лишь не желал участвовать в государственном терроре, и семьи репрессированных).

Руководители государства вводят в употребление тиражируемые средствами массовой информации лозунги, оправдывающие любое насилие: “Смерть врагам народа!” и пр. Множество броских фраз, впервые появляющихся и распространяющихся через средства массовой коммуникации именно в это время, не имеют никакого смысла – и используются, в разных странах, по сей день, чтобы создавать у массового потребителя идеологии и пропаганды *иллюзию* знаний о текущей ситуации, прошлом и будущем своей страны. Таковы лозунги и официальные заявления (вместо объяснений, фактов, доказательств): “Наша партия – знамя победившего народа!” “Правительство успешно преодолевает трудности переходного периода”, “Ситуация находится под контролем” и т.п.

На рубеже XIX и XX веков в работах специалистов, исследовавших множество примеров подобного использования языка как средства *управления массовым сознанием*, появляется формулировка закона манипуляции толпой и, в более широком смысле, публикой обывателей. Частые повторения простых, вызывающих эмоции утверждений, в том числе обвинений – без всяких объяснений, обоснований или доказательств – наиболее успешно приводят к бездумному исполнению массами предписываемого им поведения. Опыт последующих десятилетий во многих странах подтвердил универсальность этого принципа. “Если враг не сдается, его уничтожают”, “Кто не с нами – тот против нас”, учила советская пропаганда, формируя упрощенную картину мира и воинственное неприятие всего отличающегося от заданного властью образца “правильного” поведения и образа мыслей. В наши дни мы можем наблюдать возрождение чего-то подобного и используемого с теми же целями у наших «соседей» по постсоветскому пространству: “Хто не скаче, той москаль” – охотно подхватывала украинская молодежь этот, казалось бы, озорной лозунг в местах локализации больших масс людей. “Германия – для немцев!” – кричали популярные лозунги нацистов. “Долой дегенеративное искусство!” – призывали к уничтожению всего, не вписывавшегося в официально одобряемую властями систему ценностей. “Наши”, “Местные” – называются молодежные группировки, с аналогичными установками, в России 2010-х годов. “Великая Корейская демократическая республика успешно идет вперед и побеждает, с опорой только на собственные силы, в окружении всего враждебного ей мира”, гласит язык идеологии Северной Кореи.

Талантливый инженер и писатель Е. Замятин, описывая механизм такого общества, дал своему знаменитому произведению говорящее название “Мы”. Джордж Оруэлл в своем “1984”, показывает соответствующий “новояз” (newspeak) – язык систематической дезинформации, для поддержания тоталитарного сознания. Министерство пропаганды называется, например, Министерство Правды, средства массовой коммуникации распространяют единообразный поток одобрения любых действий правительства (о которых никто в этом обществе вообще ничего не знает). Повсеместно проводятся “пятиминутки ненависти” – создаваемый и распространяемый официальными идеологами образ “врагов” государства, “внутренних” и “внешних”, на которых возлагается ответственность за все проблемы, и которых призывают искать, находить и подвергать репрессиям.

В языке культуры могут отражаться и обратные тенденции – культивирование терпимого отношения к представителям “других” – культур, рас, национальностей. За последние годы понятие *толерантности* (терпимости) часто критикуется как неадекватная альтернатива *уважению* к “другим”. Разумеется, уважение представляет собой гораздо более осознанное отношение к своему социальному окружению, его многообразию и проблемам, чем просто терпимость, и воспитание уважения должно быть одной из главных задач формирования разносторонне развитой личности. Но, с точки зрения закономерностей массового сознания, культивирование толерантности достижимо скорее, чем воспитание уважения – что требует гораздо более длительной и содержательной

просветительской работы. Таким образом, толерантность можно рассматривать как промежуточную, компромиссную форму между неприятием “других” (вплоть до агрессии по отношению к ним) – и уважением, принятием “других” (с интересом и признанием их равной значимости).

Чтобы понять, насколько целесообразно вырабатывать подобное уважение, следует обратиться к концепции семиотики культуры известного ученого Ю. Лотмана.

4. Множественность языков культуры. Семиотическая концепция культуры.

Согласно Ю. Лотману, одним из основных вопросов культурологии является проблема взаимосвязи между культурой и коммуникацией, причем языки культуры – это и коды коммуникации, и их история (поскольку в них накапливается множество значений и смыслов произносимого за многие века, а иногда и тысячелетия существования того или иного языка). Всю культуру можно рассматривать как семиотическое пространство – систему огромного количества взаимосвязанных значений и смыслов, запечатленных в текстах и их интерпретациях. В любой, даже кажущейся единой культуре существует множество разных пластов – социальных, этнических и конфессиональных групп, маргинальных образований и т.п., что нисколько не мешает, а является условием для жизнеспособности культуры.

Развитие, как человека, так и культуры, происходит не только – и не столько – за счет приращения информации, сколько за счет ее глубинного освоения и осмысления. Подобно тому, как бинокулярное зрительное восприятие, качественно превосходящее монокулярное, возможно *только при наличии разных, не совпадающих точек зрения*, – так и для полноценного познания и развития необходима “стереоскопичность”, многомерность мышления, и, следовательно, *не менее двух* (а в реальной жизни многих) позиций, способов видения, картин мира. Именно поэтому, пишет Лотман, языки культуры, как и сами культуры, множественны. Любая качественная переработка информации человеком представляет собой *перевод с одного языка культуры на другие*.

Основные модели коммуникации, по Лотману, – это “Я - Другой” и “Я - Я” (размышления, сомнения и, на основе этого, развитие человека). Последний тип наиболее полно выражен при обращении к литературе и искусству – наиболее насыщенным *символами* пространствам смыслов. Лотман дает много примеров таких символических пространств: образы Дома (как символа семьи, счастья, мирной жизни) – в противоположность Квартире (коммунальной или “Нехорошей”) у М. Булгакова, Путешествия в “Божественной комедии” Данте, Города в литературных образах Петербурга. Все они не только несут *культуру как память*, но и позволяют прикасающимся к ним, через познание Другого, – создавать себя, культуру своего настоящего и будущего.

В развитие этой темы, мы рассмотрим на семинаре технологию манипуляции обществом, приводящую к управляемым изменениям отношения больших масс людей к каким-либо явлениям (см. второй из присланных файлов).